

A person in a dark hooded cloak stands on a rooftop, looking out over a city in flames. The city is densely packed with buildings, many of which are on fire or have smoke rising from them. The sky is dark and smoky. The overall tone is somber and apocalyptic.

Страна Огней: Своя Правда

Акрам Гусейнов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акрам Гусейнли

Страна Огней: Своя Правда

<https://litres.ru/74199929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Секреты в постапокалиптическом мире стоят слишком дорого, и одно неосторожное слово может сжечь дотла целый город. Эльдар находится в отчем доме, у могил родителей. Он пытается найти покой среди мертвой земли, но тишину разрывает страшная весть. Враги узнали, что Баку выжил, и идут забрать последние ресурсы. У нападающих свои счета со столицей, которая бросила их умирать во время катастрофы. Человек, чье лицо размыто в полумраке, отдает короткий приказ: «Идем на Баку». Город ветров ждет внезапный, мощный удар и жесткая оккупация. Это не просто стычка банд за еду, это тотальная война двух уцелевших "цивилизаций", где у каждой стороны своя правда, своя обида и свое право на месть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7

Акрам Гусейнли

Страна Огней: Своя Правда

Пролог

Сухой ветер лениво гонял пыль между надгробиями. Старый Махмуд стоял над тремя могилами, силясь удержать равновесие. Годы и война забрали у него слишком много. Правый рукав его потрепанной куртки был пуст и аккуратно заправлен в карман, а некогда черные как смола волосы и окладистую бороду теперь густо припорошила седина.

Махмуд тяжело вздохнул, хрустнув старыми суставами, и медленно наклонился к свежей, ухоженной могиле, на которой было высечено имя Эльдара.

— Здравствуй, мой старый друг, — тихо, со хрипотцой произнес старик, коснувшись мозолистой ладонью холодного камня. — Два года не мог к тебе попасть Сам понимаешь, возраст уже не тот, да и здоровье подводит. Ну, рассказывай, как ты там? Я очень по тебе скучаю, брат.

Махмуд долго сидел у надгробия. Он говорил тихо, вспоминая былые дни, делясь наболевшим и вглядываясь в выцветший портрет парня, который когда-то вернул им надеж-

ду. Он говорил бы еще долго, пока тишину старого кладбища не прервал тихий топот маленьких ножек. Две детские руки внезапно обхватили Махмуда со спины, заставив старика вздрогнуть.

— Ну пойдем, деда, — раздался звонкий, чистый голосок.
— Бабушка уже чай поставила.

Махмуд мягко улыбнулся, повернулся и единственной рукой бережно прижал к себе внука. Он аккуратно поставил мальчишку перед собой, заглянул в его карие, любопытные глаза и взял за теплую ладошку.

— Пошли, родной. Пошли к беседке. Они неспешно побрели по протоптанной тропинке.

Внук, подпрыгивая на ходу, посмотрел снизу вверх на деда и спросил:— Дедуля, а кто это? С кем ты там разговаривал?

Махмуд ничего не ответил, лишь крепче сжал маленькие пальчики. Они дошли до небольшой деревянной беседки, укрытой от палящего солнца. В центре стола тихо пыхтел старый пузатый самовар, обдавая воздух жаром и ароматом дровяного дыма. Старик грузно опустился на скамью, единственной рукой ловко взял заварочный чайник, стоявший на конфорке самовара, и разлил крепкий, янтарный чай по стеклянным стаканчикам армуду. Махмуд взял свой стаканчик за узкую талию, сделал неторопливый глоток, зажмурился от удовольствия и шумно выдохнул. Поняв, что внук все еще сидит напротив и преданно ждет ответа, старик опустил

армуду на стол.

— Это мой старый друг, — тихо начал Махмуд, и взгляд его устремился куда-то сквозь внука, в далекое прошлое. — Мой брат по оружию. Он тот, кто объединил наш народ, когда мир окончательно рухнул.

Мальчишка смотрел на деда с неподдельным восхищением, подавшись вперед всем телом.— А ты расскажешь мне эту историю?

Махмуд сделал еще один долгий глоток, посмотрел на окутанный паром самовар, а затем перевел взгляд на внука и тепло улыбнулся:— Расскажу, внук. Чая у нас много. Время есть.

Глава 1

Наш мир вокруг не просто рушился — он захлебывался в собственной крови и мазуте. Всё началось пронизывающей осенней ночью на разбитых путях железнодорожного вокзала Баку...

Сухой, пропитанный радиационной гарью ветер лениво гонял бетонную пыль между искореженными рельсами. Двое патрульных из общины Старого города, кутаясь в потрепанные армейские бушлаты, медленно обходили территорию вокзала. Под их тяжелыми берцами то и дело хрустели осколки стекла и битого кафеля.

Центральный зал ожидания давно потерял былую красоту. Вокруг громоздились разбитые торговые павильоны, искореженные каркасы информационных табло, выбитые стекла касс и намертво вросшая в грязь разбросанная мебель.

Обойдя пустые, дышащие могильным холодом помещения вокзала, мужчины вышли на открытые пути. Ночь выдалась на редкость паршивой и сырой.

— Слышь, поделись куревом, — хрипло попросил один.

Он остановился у края разбитого перрона справить нужду и зябко поёжился.

— Зуб на зуб не попадает.

Второй патрульный молча залез во внутренний карман бушлата, достал старый металлический портсигар, выудил

самокрутку и чиркнул спичкой. Крохотный желтый огонек на секунду выхватил из темноты их сонные, уставшие лица.

Но не успел парень сделать и первой затяжки, как земля под их ногами мелко и отчетливо задрожала...

Ослепительный, белый свет мощного прожектора мчащегося состава внезапно разрезал ночную тьму, озарив разбитую округу. Тяжелый гул многотонной махины нарастал с каждой секундой, переходя в оглушительный грохот.

Боец, только что прикуривший самокрутку, от неожиданности сплюнул её под ноги, проводив, взглядом упавший в пыль тлеющий огонек.

— Немцы, что ли?! — громко выкрикнул он, пытаясь перекричать нарастающий рев локомотива.

— Да какие, к черту, немцы? Дурак что ли? — огрызнулся его напарник, застегивая бушлат и щурясь от бьющего в глаза прожектора.

— В смысле — дурак? Ты фильм, что ли, не смотрел, который в клубе крутили недавно? Там точно так же поезд летел!

— Это, наверное, выжившие. Те самые, которых наши разведчики нашли. Решили по путям добраться.

С оглушительным скрежетом тормозных колодок, окутанный облаками густого пара и черного мазутного дыма, бронированный поезд замер у перрона.

Патрульные, искренне радуясь неожиданным гостям, сорвались с места и побежали вдоль состава к головному ваго-

ну. На ходу они пытались заглянуть в узкие бойницы и окна, проносящихся мимо вагонов, но внутри была лишь сплошная, зловещая темнота. Поезд казался вымершим.

— Выходите смело! — кричали они на бегу, размахивая руками. — Мы дадим вам кров и пропитание! Свои!

Они бежали вперед по битому бетону, когда один из патрульных мимоходом бросил взор назад, осматривая состав. От увиденного у него перехватило дыхание. На тяжелых открытых платформах, накрытая маскировочными сетями, стояла грозная военная техника: силуэт БТРа, приземистый контур танка и закрепленный на стойках крупный разведывательный дрон.

— Акиф, глянь! — окрикнул он своего товарища, задыхаясь от быстрого бега. — Они даже технику с собой привезли!

Добравшись до головного вагона, патрульные остановились. Тяжело дыша и пытаясь восстановить дыхание, они выправились во весь рост, готовые с улыбкой встретить своих гостей и новых членов общины.

В эту же секунду тяжелая бронированная дверь вагона с грохотом распахнулась. Из темноты тамбура стремительно вылетел человек. Одним мощным ударом ноги с разбега он впечатал борец в грудь патрульного — того самого, что минуту назад курил самокрутку. Парень со свистом выдохнул воздух и кубарем покатился по перрону.

Его напарник на мгновение ошарашенно застыл, не веря собственным глазам. Осознание опасности пришло слишком

поздно. Он судорожно попытался вскинуть автомат, но из темноты вагона сухо затрещала короткая очередь.

Пули прошли бушлат. Патрульный упал на грязный асфальт, издав последний, прерывистый крик, перешедший в предсмертный хрип.

Пока сбитый с ног патрульный хрипел и судорожно глотал ртом воздух, из дверей темных вагонов один за другим начали выходить вооруженные до зубов люди. Солдаты, покинувшие головной вагон, слаженно и четко выстроились на перроне, создав живой коридор. Они кого-то ждали.

Последним из тамбура начал спускаться человек. Тяжелые армейские ботинки, камуфляжные штаны и добротная кожаная куртка, плечи которой украшали погоны с двумя крупными, тускло поблескивающими генеральскими звездами. Его лицо было суровым и гладко выбритым, подбородок и скулу пересекали старые шрамы. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, придавая ему сходство с опасным латиноамериканским бароном. Костяшки его огромных кулаков были сбиты и покрыты мозолями так, словно он изо дня в день крошил ими голый бетон.

При каждом его шаге по стальной лестнице казалось, будто сам многотонный вагон проседает под его гигантским двухметровым ростом и мощным весом.

Вооруженные солдаты подскочили к хрипящему патрульному, грубо вздернули его на ноги и поволокли на поклон к своему командиру. Генерал махом перехватил испуганно-

го парня за грудки и одной левой рукой, словно тряпичную куклу, притянул вплотную к себе. Правой рукой он неторопливо достал из-за пояса тяжелый, потертый обрез.

Генерал с ледяной, хищной улыбкой приставил дуло оружия прямо к подбородку бледного от ужаса бойца и задал вопрос, сочащийся многолетней обидой и злостью:

— Скажи мне, бакинец... Где вы были, когда у нас в Гяндже вымирали целые кварталы, а вы оградились здесь со своей тушенкой?

— Я... я... я... — испуганно заикаясь, попытался выдать парень, глядя в пустые глаза гиганта. — Я не знаю... я тогда был подростком!

Генерал зловеще улыбнулся, и его палец плавно лег на спуск:

— Ответ неверный.

Громкий, раскатистый выстрел обреза разорвал ночную тишину. Кровь и ошметки мозгов моментально брызнули и запачкали форму стоящих рядом солдат. Генерал брезгливо и со злостью отшвырнул бездыханное тело патрульного в сторону и громогласно объявил на весь вокзал:

— Веселитесь, парни! Заберите у них всё!

Головорезы моментально поддержали своего предводителя диким ревом. Они вскинули автоматы вверх, оглашая ночь беспорядочной пальбой, и тут же принялись споро срывать маскировочные сети с платформ, разгружая амуницию и тяжелую боевую технику.

Спустя несколько минут, когда танк и БТР со скрежетом съехали на землю, один из солдат достал армейский планшет и запустил в темное небо разведывательный дрон. Железная птица тихо зажужжала пропеллерами и взяла курс на город, сканируя незащищенные улицы разрушенного Баку...

В это самое время полковник-лейтенант Махмуд стоял в одной из палат госпиталя Афсаны. Эту комнату они общими усилиями переделали под скромное семейное гнездо. Обстановка была бедной, но уютной: двуспальная кровать, грубо сколоченная из двух обычных больничных коек, небольшой обеденный столик, тумбочка да старое кресло в углу.

Махмуд неподвижно всматривался в окно, в глухую ночную тишину, периодически с силой потирая лицо обеими руками. Он словно пытался перезагрузиться, сбросить с себя груз тяжелых мыслей.

— Милый, ну хватит уже стоять у окна, ложись спать, — его размышления прервал мягкий, сонный женский голос.

Он обернулся, ласково посмотрел на жену и тяжело вздохнул:

— Да, конечно, сейчас лягу... Просто за Салима волнуюсь. Что-то его слишком долго нет. Как ушел на разведку, так и тишина.

Жена понимающе улыбнулась и легонько постучала ладонью по матрасу рядом с собой, приглашая мужа в постель. Махмуд послушно прилег рядом. Он осторожно провел широкой ладонью по её округлившемуся, чуть выпира-

ющему животу, придвинулся ближе и тихо, с заговорщической улыбкой шепнул на ушко:

— Слышь, а хочешь музыкального чая?

— Музыкального? — она удивленно прыснула, повернув к нему голову. — Это еще что значит?

Махмуд приподнялся на локте, нежно чмокнул её в губы и заговорщически произнес:

— Музыкальный чай — это такой особенный чай, от которого поет душа.

Жена тихонько захохотала, закинув голову на подушку:

— Ну ладно, уговорил. Буду твой музыкальный чай.

Махмуд улыбнулся в ответ, поднялся с кровати и открыл тумбочку. Он аккуратно достал оттуда заветный бумажный пакет и отсыпал себе в ладонь пару чайных ложек Ленкоранского чая — того самого, редкого и ароматного, который ему подарил Эльдар.

Развернувшись к двери, Махмуд отправил жене воздушный поцелуй. Она с улыбкой перехватила его ладонью прямо в воздухе и прижала к сердцу. Полковник-лейтенант подмигнул ей и вышел в коридор госпиталя, направляясь к общей кухне, чтобы заварить кипяток. Он даже не догадывался, что это были последние секунды их мирной жизни...

Проходя по тускло освещенному коридору к кухне, Махмуд миновал стойку регистрации. Там, как и всегда в этот поздний час, сидела Афсана. Склонившись над столом в свете одинокой керосиновой лампы, она сосредоточенно что-то

записывала в толстый госпитальный журнал.

Полковник-лейтенант притормозил у стойки и с легкой, дружеской издевкой произнес:

— Ты, я гляжу, как всегда — работаешь по двадцать пять часов в сутки.

— Двадцать пять часов не бывает, — фыркнула Афсана, даже не оторвав взгляда от ровных строчек в журнале.

— Бывает, — невозмутимо парировал Махмуд, опершись локтем о стойку. — Если вставать на час раньше.

Афсана на секунду замерла с поднятой ручкой, забавно переваривая эту нелепую армейскую информацию, а затем тихо, искренне рассмеялась, качнув головой:

— Оф, Махмуд... Иди уже, заваривай свой чай. И меня заодно угостишь, раз на то пошло. Я сегодня дежурная, мне спать нельзя.

Полковник-лейтенант приложил правую ладонь к виску, а левой рукой с пакетом чая шутливо накрыл макушку, имитируя офицерскую фуражку. Сделав жест, что указание главврача будет выполнено без промедления, он направился на кухню.

Там Махмуд привычным движением крутанул вентиль на круглом красном газовом баллоне и чиркнул спичкой. Яркое синее пламя с тихим хлопком окружило ободок конфорки. Мужчина поставил сверху старый металлический чайник, предварительно заглянув под крышку и убедившись, что внутри есть вода.

Вскоре чайник засвистел. Махмуд высыпал ароматные листья в один из керамических заварников и аккуратно залил всё крутым кипятком, в спешке пролив пару капель себе на ногу и тихо шикнув от жгучей боли. Прождав пару минут, он плеснул немного заварки в чашку на пробу, но янтарный цвет его не устроил. Офицер вернул чай обратно в заварник, давая ему настояться еще немного.

Пока Ленкоранский чай доходил до нужной крепости, мысли Махмуда снова вернулись к Салиму. Полковник-лейтенант принялся медленно гладить себя ладонью по груди, испытывая странное, давящее изнутри волнение. словно сердце пыталось предупредить о чем-то страшном.

Переведя дух и отогнав дурные мысли, он взял небольшой железный поднос, расставил на нем чайник с тремя чашками и направился обратно к стойке регистрации.

Главврача на месте не было. Махмуд аккуратно налил в одну из чашек крепкий, испускающий ароматный пар чай и пристроил поднос на деревянную столешницу. В этот момент из служебного помещения появилась и сама Афсана, на ходу вытирая мокрые руки вафельным полотенцем.

— Я поставил твой чай прямо возле журнала, — улыбнулся Махмуд, указывая пальцем на чашку.

Она подошла ближе, тепло посмотрела на офицера и заговорщически спросила:

— Ну как ты, признавайся? Не пугает тебя то, что совсем скоро ты станешь отцом? Таким грозным, суровым боевым

папулей? — она со смехом похлопала его по крепкому плечу.

Махмуд, почувствовав, как против воли краснеют щеки, уже открыл рот, чтобы ответить, но его слова навсегда потонули в оглушительном грохоте.

Тишину госпиталя разорвал жуткий треск ломающегося дерева и скрежет металла. Входные двери разлетелись в щепки, и прямо в холл, круша стены и поднимая тучи бетонной пыли, на бешеной скорости влетел тяжелый армейский броневик. Махмуд среагировал на инстинктах боевого пловца — он мертвой хваткой перехватил Афсану за талию и в яростном прыжке отлетел вместе с ней в сторону, за укрытие массивной бетонной колонны...